

Глава IX

НАРОДНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ: ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНОГО СОВЕТОВАНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ СИНЕРГИИ

Реформа власти буксует. Этот вывод следует из выступлений Президента, из статей, появляющихся в федеральной и местной печати, из неуклюжих попыток второго издания КПСС, из обсуждаемых в оппозиционных газетах примеров криминального подавления гражданской инициативы и социальной активности. Неблагополучие видно невооруженным глазом каждому живущему и пытающемуся что-либо сделать для обеспечения своего эффективного и защищенного существования. Разрешение противоречия между властью-насилием и властью-авторитетом не просто дается современному российскому обществу, неожиданно оказавшемуся в условиях системного кризиса. Современный социально-властный коллапс возник в результате непреднамеренной потери ориентации, краха постсоветской целерациональности, вызванной «пагубной самонадеянностью» (Ф. Хайек) и нежеланием «расставаться с простотой» (Н. Н. Моисеев): новая псевдо-либеральная власть при вхождении в современный государственно-монополистический капитализм (Р. И. Хасбулатов) в полном объеме повторила все основные заблуждения «природно-ресурсного» властно-государственного мышления старого государственно-монополистического социализма.

Видя, что власть находится в состоянии близком к коме, некоторые политики и социальные мыслители видят спасение в реликтовых формах социального управления, характерных для человеко-затратных властных технологий (возвращение сталинизма, возрождение имперскости). Думается, что более адекватные решения должны быть найдены в иных исторических формах — формах народного бытия, ставших, в силу целого ряда обстоятельств, предметом почти археологических изысканий.

Сложность переосмысления последних двадцати лет развития России связана еще и с тем, что нынешняя власть дезориентирована значительной степени мировоззренчески и философски,

ибо исходит из парадигм власти, не свойственных для российского народа, в душе и сердце которого живет корневая память личной и национальной свободы. Парадоксально, что творцы современной «национальной идеологии» не видят неразрывной связи между 4 и 7 ноября. И в том и в другом случае отчетливо имела место фабула народной самоорганизации в условиях затянувшегося кризиса «верховой власти». Если правящие структуры (власть предержавная) оказываются на обочине бурно развивающегося процесса, то неизбежно как ураган или смерч проявляет себя народная (вечно-вечевая) форма народовластия. Игнорирование государственными структурами 100-летия российских советов может рассматриваться как сигнал, что власть теряет ощущение российской реальности и создает для себя очень сложную социально-шахматную позицию. Складывается впечатление, что «философия современной власти» отчасти вытекает из анонсируемых форм анонимно-парадоксальной социологии: «Исследования современного российского общества... показали, что оно может быть разделено на две неравные части: 82 % и, соответственно, 12 %. В первую группу входят те, кого принято называть «народом» или «населением». Эта часть переживает стремительную депопуляцию..., активно спивается и формирует «призывные» места России в мире по таким показателям как детская смертность, потребление спиртосодержащих продуктов на душу населения, потребление наркотиков, количество аборт, низкая продолжительность жизни, а также отличается высоким уровнем конформизма, внушаемости, социально-психологической зависимости, патерналистским мировоззрением, пассивным типом реагирования... Другая часть представляет собой т. н. «активное меньшинство», ориентированное на достигательные ценности. Здесь иное мировоззрение и образ жизни дают совершенно другую, гораздо более оптимистическую статистику по всем показателям, начиная с демографического». Почему же в бывшей стране «трудового народа» столь незащищенным оказался именно низовой человек, и какими последствиями это чревато для страны и для власти? Это не самый последний вопрос *социальной философии, прикладной социологии и философской гуманистики* сегодняшнего дня. Опыт XX века дает обширный материал для осмысления как регионального, так и общероссийского измерения этой проблемы.

Столетние циклы российской истории

Прошедшее незаметно для российского общественного сознания 100-летие с момента возникновения «первых» (уральских и Иваново-вознесенских) Советов в России весьма важный и достаточно тревожный знак. Небрежение псевдодемократической власти по отношению к общественной (народной) самоорганизации (в том числе и в форме гражданского общества) вновь станет фактором накопления внутренней деструктивной (разрушительной) силы, взрыв которой в очередной раз может стать неуправляемым.

«Первые советы» на самом деле совсем не первые, ибо вся история России – это фундаментальная история советов, обнаруживавшая себя в разных формах подчас самых неожиданных (это и Боярская дума, и «Совет в Филях», это и Государственный совет, и заводские советы, и советы общегородские). Не забудем и об архетипической знаковости «триумфального шествия Советской власти» в России – народного этапа Великой социальной революции в России – и о том, что советская власть определяла развитие страны в самых тяжелых условиях внутреннего и внешнего давления.

Советы – универсальная форма российской народной власти, хотя вряд ли будет ошибкой сказать, что тот социальный механизм, который стоит за «советами», является универсальным механизмом не только любой реальной власти, какими бы словами он ни назывался в действительности, но и абсолютной формой социальной самоорганизации. С точки зрения современных синергетических представлений, «совет» – это коллективное действие, предшествующее «точке бифуркации», т. е. выбору стратегии дальнейшего развития общества, оказавшегося в вилке альтернативы. «Совет» всегда формирует «аттрактор» потребного будущего, он всегда – «духовно-разумно-рациональная сила общественного тяготения» к сборке новой социальной структуры, когда старая система предчувствует свое разложение («диссипацию»).

В каждой территории рождаются свои модели не только «простого человеческого», но и социального гуманизма, которые затем проходят проверку на выживание в провинциальной, столичной и глобальной жизни. В «иваново-вознесенском анклаве хранителей старой веры» формировалась своя особая форма на-

родной жизни и социального выживания. Рождение общегородского совета в Иваново-Вознесенске – факт общенационального и социально-гуманистического содержания, приобретающего все большее национальное значение. Прежний «социалистический гуманизм» в своей основе имел экономический принцип «массового равенства», он формировал своеобразную философию «гуманизма равенства» для интенсивно растущего «пролетарского слоя», превратившегося позднее в класс рабочих, а затем в «класс трудящихся». Именно по этим знаковым социальным ностальгиям человека «советского периода» и могут быть реконструированы хорошо себя зарекомендовавшие формы «народного гуманизма», который можно было бы назвать и «реальным гуманизмом», если бы потребовалось общекультурный феномен перевести в философское пространство. Региональная история Иваново-Вознесенска вывела на поверхность феномен потаённого народного демократизма, проявившего как положительные, так и негативные стороны реального народного гуманизма, имеющего свои корни в исторических глубинах родовой и общинной жизни.

Привет, Совет, Навет, Завет – однокоренные слова

Говорят, что хорошо знакомое нам «видеть» и «ведать» происходили от названия древнеиндийских священных книг «Вед». «Ведать» – значит приобщаться к истине, «находиться в неведении» – выпасть из вселенского контекста. В этом смысле «совет» – это *совместное ведание*, совместное понимание, совместное «проведение социального эксперимента» для решения общей сложной проблемы. Такое «держание совета» определяет и совместность решения и посильность его выполнения. В этом то и заключается, на наш взгляд, универсальность и уникальность этой социальной процедуры самоорганизации: равное участие в принятии решения и равная ответственность за его последствия.

Но есть еще один аспект «со-звучия»: в русском языке «совещаться» и «советоваться» весьма близки по смыслу и этимологическому созвучию. «Вещать» (от «вече») и «ведать» («совет») сопряженные социокультурные формы. Филологи вряд ли согласятся с такого рода «этимологическими упражнениями», но на «материке» археологических раскопок слов-смыслов эти «логосы» находятся очень близко.

В феномене «со-вета» есть еще один – совсем удаленный смысл: «наложить вето» (запретить) – придает процедуре «со-вето-вания» смысл совместного запрещения (не разрешения), а это уже выход в среду современной «конфликтологии».

Культурологический взгляд на Первый общегородской совет рабочих

Историки говорят, что представить факт в его уникальности невозможно, но почувствовать эпоху нутром всегда можно, если оказываешься в пространстве месторазвития (этот термин придумали евразийцы для того, чтобы показать неразрывность человеческого бытия и природной среды обитания). Понимать историю столетней давности – задача непростая, но так сложилось, что российская история идет фактически столетними циклами, поэтому, оказавшись в том же месте, словно перемещаешься во времени и понимаешь, что культура – это генетическая связь, от которой невозможно отстраниться. Итак, культурологический взгляд на великие события Иваново-Вознесенской (и даже больше – общероссийской) истории.

Советы в Иваново-Вознесенске – это нереволюционная, ответственная российской народной ментальности форма организации (реорганизации и самоорганизации) материальной и духовной жизни рабочего города, выросшего на социальном субстрате крестьянского и старообрядческого жизне-бытия, обеспечивающая преодоление политических, классовых и экологических противоречий, возникающих между различными слоями общества в условиях интенсивного техногенного, экономического и социального развития. «Университеты на Талке», породившие Совет, – это первые шаги взрыва пассионарности, охватившей огромные слои российского рабочего населения. В этой связи важно сплетение феноменов «университета» (образования) и «советов» (самоуправления и самоорганизации). Культурный пафос общегородского Совета имеет два смысла: во-первых, он вытекает из всей предшествующей культуры региона, во-вторых, определяет естественность культурного роста (вырастания в будущее). Многие другие советы, возникшие в России, выросли из тех же общинно-религиозных корней, но не обладали той инте-

гративной культурностью, которая породила столь мощный феномен общегородского социального самоуправления.

«Социальное советование» как универсальный архетип российской жизни

Процедура взаимосоветования уникальный коммуникативный акт, который способствовал эволюции социальных форм бытия. Для всех ранних форм простых человеческих коммуникаций были характерны моменты естественной самоорганизации. Единообщество само определяло специфику «перекачивания» информации от старейших к молодым в процессе вызревания экологических взаимодействий в локальной системе «человек – общество – природа». Иерархичность общества определялась сложной динамикой силы физической силы и силы духовной силы, т. е. ума. Для традиционных обществ, где не надо было выстраивать сложные преграды (огороды) для защиты своего неравенства от других людей, там «советские отношения» являлись самыми органичными формами межличностных коммуникаций.

Современный архетип «социальных советов» («социально-го советования»), имевших на протяжении тысячелетий разнообразные формы («родовое советование», «семейное советование», «клановое» или «классовое» советование, государственное советование»), теперь приобретает ноосферный смысл (когда сплетаются научное и культурное советование).

С философской точки зрения – советование – универсальная процедура постижения «правильных аттракторов» оказывается сродни конфессиональным эпистемологическим формам. В ней достигается убедительность в коллективной истине для всех участников. Диалог (дискуссия) по сравнению с советованием – более элементарные формы постижения истины (тем более, что эта истина носит заведомо социально ориентированный характер). Этот вывод для нас важен именно потому, что совмещает феномен образования («университеты») и управления («советы»). Советы на уровне университетского образовательного пространства и есть «ноосферная форма» советов вообще.

Конечно же, процессы народной самоорганизации (в формах народных возмущений) имели широкое распространение не только в Иваново-Вознесенске. Стачки имели место, например в

Орехово-Зуеве, где также развивалась текстильная промышленность, но таких форм, похожих на народное самоуправление и народную самоорганизацию не возникло.

Хорошо известно, что первые заводские советы как форма локальной власти возникли на Урале в зоне металлургического промышленного производства, где, судя по всему, также проявили себя формы народной общинной жизни, востребованные тогда, когда социальные флуктуации (социальное, экономическое, экологическое, политическое напряжение) сделали свое разрушительное (диссипативное) дело.

Иным словами стихийное хаотическое движение не переросло в стихийное упорядоченное развитие. Социальные процессы начала века в полной мере отвечают возможностям той методологии, которая возникла во второй трети XX века – синергетическому подходу.

Иваново-Вознесенский совет – это проявление феномена «общего дела», говоря современным языком – общенародного дела. Если раньше в России формы теневой власти выростали на субстрате «вечевых» (новгородских) традиций, о чем в своих работах ностальгически поведал палехский художник В. М. Ходов, из запорожских традиций, об особенностях которых хорошо известно из повестей Н. В. Гоголя, то иваново-вознесенский совет возник не только как форма реализации экономических требований (т. е. фабричной, производственной организованности), но и как форма глубоко и тайно хранимых древлеправославных традиций.

Вообще 1905 год и открывается неожиданными формами активности церкви (поп Гапон, как теперь известно, с одобрения царской охранки, повел рабочих на поиски народной правды) в организации и управлении низовой народной активностью. Вот эти зачатки самоорганизации и стали посылами («предпосылками») повсеместной народной самоорганизации в различных формах, соответствующих социокультурным особенностям территорий. В социальном котле Российской империи стало зашкаливать давление народной жизни, требовавшей конструктивного выхода. В этой связи возникновение Первого общегородского совета стало уникальной формой народной (крестьянско-рабочей с элементами общинной и церковной традиций) самоорганизации, давшей

возможность мирными (невооруженными, хотя и силовыми) путями решать практически все назревшие вопросы.

Об особом характере Иваново-вознесенского совета, его вписанности в культурологическое измерение жизни регионального сообщества говорит тот факт, что он возник и существовал в особый промежуток времени. Революционные события в России обычно происходят в зимне-весеннее или зимне-осеннее время, однако Совет создается тогда, когда заканчивается Великий Пост и наступает Пасха (как воскресение Христа и как возрождение народной надежды на лучшее устройство своей тяжелой производственной и бытовой жизни), а заканчивается с наступлением другого уже летнего поста. Не в этом ли та религиозная подоплека, на которую мало обращали внимание историки, рассматривавшие историю Первого общегородского совета с позиций ленинской (пролетарской) историографии и методологии.

Думается, что если в событиях января 1905 года в Санкт-Петербурге религиозное сознание сыграло свою не последнюю роль, то в глубокой провинции его с еще большим основанием нельзя сбрасывать со счетов. Но специфика иваново-вознесенских событий обнажила внутренние механизмы старообрядческого ментального порядка, который прятался за внешними формами фабричного порядка. «Закон и благодать» как это ни странно – своеобразная логика отнюдь не «революционных», а естественных для рабочих и крестьян форм советования о дальнейшем течении жизни своей. Может быть, в том и уникальность Совета, что во время его существования не произошло ни одного серьезного преступления (террористического акта или тем более убийства хозяев или стражей порядка), поэтому и царская (губернская) власть долгое время не реагировала посылкой значительных карательных сил для подавления народного действия, ибо оно носило не столько характер «беспорядков», сколько форму хорошо слаженного действия «мирного диалога» между верхами и низами иваново-вознесенской жизни.

Культурологический смысл русской революции начала XX века

Великая Русская социальная революция в действительности предстает как великая российская культурная революция, то есть одновременно революция в науке, философии, религиозной

и художественной жизни. При этом, очевидно, ключевую роль играл именно религиозный фактор: противоборство языческого, древлеправославного и новоправославного архетипов экзистенциального и классового бытия. Доказательство этого тезиса требует глубокой проработки, но уже сейчас отчетливо видно, что существующая интерпретация российской истории мало кого устраивает, более того, оказывается, что традиционные классовые и социальные подходы предлагают такие примитивные схемы исторического развития, что выводы, которые из так составленной истории делают представители власти и политических партий, оказываются деструктивными для самой страны. Руководители страны, которая пережила такую гигантскую революцию не должна никогда забывать, что забвение правящим и господствующим классом (по причине инородства или по причине обыкновенной жадности и глупости) своих обязанностей по отношению к своим братьям меньшим, к своим товарищам и соплеменникам, чаще всего приводит к смутам (которые очевидно и есть первые русские революции) и к горячим и холодным (как в период перестройки) гражданским войнам.

Для российской истории, которая текла всегда медленнее и неравномернее, чем в западноевропейских странах или северной Америке, феномен социальной революции до известной степени должен выглядеть удивительным по случайности феноменом. Во-первых, в силу того, что поздняя отмена крепостного права привела к особой форме патриархальности во взаимоотношениях между верхними и нижними в усадебном хронотопе бытия. Во-вторых, потому, что в силу огромной территории страны возникает «историческая инерция».

В России в значительной степени сложился феномен столкновения культур: между *интеллигентской* российской культурой, выросшей на субстрате усадебного существования в условиях самодостаточности и взаимодополнительности верхов и низов, *государственной* культурой (фактически петербургской — инородной для России управляющей и насилующей этнонародное «живое и разумное вещество» населения неразумной и деспотичной силой самодержавия) и *народной* культурой (по своему понимающей смысл своего природно-родового существования в создании главных материальных и духовно-нравственных,

а фактически религиозных, ценностей этно-национального евразийского сообщества). Это этно-культурное столкновение прекрасно понимали и методологи материалистического направления: В. И. Ленин говорил о двух культурах в рамках единой русской культуры. Однако, этот «культурологический подход» носил ярко выраженный классовый смысл, что приводило фактически к потере полноты культурологического понимания происходящих в действительности исторических процессов. Дихотомичность в культурологии широко распространена, но как показывает опыт современных философских и культурологических дискурсов, выходы на тернарную методологию дают более продуктивные результаты.

Столкновение трех культур: «культуры госвласти», «культуры народа» и «культуры интеллигенции» при интенсивно развивающихся общественных отношениях – привело в условиях мировой войны (как причины усиливающихся флуктуаций в материальной и духовной жизни общества) к огромному социокультурному взрыву, который разметал по белому свету и властную российскую элиту и российскую (а надо было бы сказать «евразийскую») интеллигенцию. Российское государство, устроенное по «варяжским» калкам, рухнуло, как и иерархическое устройство имперского самодержавия (самодержавия). Статично классически (в рамках модели жесткого детерминизма, соответствующего эпохе Просвещения) построенная форма власти в условиях исторических вихрей оказалась неэффективной перед народной самоорганизацией, нарабатывавшейся веками в формах общин, народных артелей, ватаг, шаек и т. д. Пришла в расплавленное народной лавой историческое пространство анархическая народная сила, которая, правда, по своему культурному уровню, еще не готова была управлять гигантской страной. Поэтому новой – большевистской – тоталитарной власти пришлось брать пример с власти прежней (не случайно Сталина называют не только азиатским деспотом, но и советским императором – вторым изданием Николая I). Новая деспотическая «партийно-народная» власть вынуждена была для сохранения и расширения геополитического пространства железной рукой подавить все поползновения родившейся в бурях исторических событий начала века советскую власть как прообраз народной власти достаточно

образованного и культурного сообщества рабочих, спецификой трудовой деятельности организованной до вышкolenности. И пока не произошло разрушение мировой социалистической системы, коммунистический тоталитаризм оставался единственной силой давившей народную силу, которая не только победила в Отечественной войне 1941–1945 годов, но и после нее восстановила разрушенное народное хозяйство.

Для современных культурологов чрезвычайно важно понять природу этой гигантской силы, которая выжила и вышла «из-под глыб» не только в условиях царского самодержавия, но и безжалостной тоталитарной технократической власти «сталинского уицраора». Это, прежде всего духовная сила народного бытия в единстве с природой и с Богом. Это сила архетипов не только языческой, но и старообрядческой веры, которые таились под спудом внешне красивой одежды новой веры, служившей, прежде всего, государству (и естественному или искусственному господствующему классу – дворянско-помещичьему или партийному). Чего в этой силе больше телесно-соматического языческого или духовно-божественного древлеправославного сказать невозможно, да, наверное, и не нужно, ибо обе эти силы питали и питают друг друга и во времена спокойного роста и во времена тяжелейших смертельных испытаний. И все-таки естественно-природное (точнее сказать персоналистическое и экзистенциальное) древлеправославное бытие с Богом можно рассматривать как стержень российской культуры (культурности), в которой религиозная составляющая (вера) всегда являлась доминирующей (не зависимо от того была ли она языческой, христианской или коммунистической).

Фактически феномен коммунизма (иностраннный термин только затуманивает действительный смысл этого социокультурного феномена) предстает перед нами в качестве сложнейшего взаимопересечения глубинных космических архетипов, в которых совмещается не только первобытная общинность и артельность (которая только и позволяла выжить сообществу в жесткой природной среде), выросшая в товарищество и коллективизм (кооперативизм), но и богодуховность, проявившаяся в славянской свободе, непокорности, сохранении человеческого достоинства в самых тяжелых обстоятельствах. Человек северного евра-

зийского пространства сотни тысяч лет выработывал в себе эти необходимейшие качества, которые вдруг оказались востребованными не в борьбе с природой за выживание, а в борьбе с другими социальными и культурными силами, оказавшимися рядом и в силу исторической логики испытывавших этногенетические ресурсы евразийского человека на прочность. Некоторые современные историки предвещают гибель этому этносу, но вопрос о бесконечной силе евразийских архетипов в российском этносе еще не предрешен и его могущество еще окончательно не испарилась. Не об этом ли заставлял задуматься нас Л. Н. Гумилев.

До настоящего времени современная историография ставила задачу соединить разорванную российскую и советскую историю, теперь встала задача соединить разорванную советскую и российскую историю, посмотреть на евразийскую историю во всей ее целостности, начиная с самых древних ее этапов и вплоть до настоящего времени. Такая история и есть ноосферная история российского евразийского этноса.

Старообрядчество и народные советы

Возможен ли иной, нежели традиционно-идеологический взгляд на события, происходившие в уникальном «ситцевом» пространстве российского экспоненциального роста. Многообразие исторических дискурсов, возникших в последнее десятилетие дает к этому существенные основания. Предисловием к новому — широкому — пониманию событий первых двух десятилетий XX в. в России служат идеи о возможности великой социально-культурной трансформации, зарождавшейся в России, которая, к сожалению, в силу трагических исторических коллизий стала лишь великой социальной революцией. Культурологическое измерение великой русской революции в последние годы обретает и ярко выраженный религиозно-конфессиональный смысл. Исследования по проблеме «большевизм и старообрядчество» обнаруживают поразительное созвучие трудо-уравнительного характера русской социальной революции и смысла старообрядческого миро-бытия, обретавшегося в традиционализме, порядке, добротности, общности, скромности в потребностях, простоте быта.

Русская революция вообще может быть представлена как форма возвращения старообрядческих архетипов под внешними

«одежными» формами атеистической марксистско-ленинской религиозной идеологии «светлого будущего», как религиозная (мировоззренческая) война, вызванная тем, что огосударствленная помпезно-богатая и разлагающаяся (что проявилось в распутищине) православная религиозная организованность окончательно оторвалась от интересов и судеб страны, вошедшей в эпоху радикальных научных и промышленных изменений. «Народная расправа» над официальной религией потому и оказалась столь возможной и скорой, что мировоззренческие архетипы народного сознания оказались задавленными обязательными отправлениями неискреннего культа. В этом ключе и следует переосмысливать события столетней давности, происходившие на реке Талке. О. Л. Шахназаров пишет: «Легально действовали в царской России прихожане подконтрольной «единоверческой церкви». Полулегально – белокриницкие «поповцы», которые также имели традиционные храмы. Нелегально – «беглопоповцы», которые принимали священников, перешедших от РПЦ, и имели свои тайные моленные, и «беспоповцы», которые выбирали своих наставников из числа мирян и *создавали свои Советы* (выделено мной. – Г. С.) в жилых домах, на квартирах, в заводских цехах» [25, с. 75].

Рождение общегородского Совета рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске, который издревле считался городом старообрядцев, где очень сильны были традиции древлеправославной веры, – это сложная историческая проблема и почти необъяснимая культурная форма. Сейчас для современного человека практически невозможно представить, как чувствовал себя старообрядец в официальной православной культуре, которая была одновременно и своя, и не своя.

Так, очевидно, чувствовал себя советский диссидент, который придерживался марксистско-ленинской веры в социальный прогресс и обнаруживал, что он оказывался в «расколе». Сталинская тоталитарно-социалистическая вера расправлялась с представителями «старой ленинской веры» с не меньшей жестокостью, чем никонианская власть расправлялась с раскольниками XVII века. Может быть, в это время и начиналась другая вера: Россия, ходившая крестным ходом с иконой, стала готовиться выйти в ночной дозор с топором.

Публикации в исторических журналах последних лет все более подталкивают к тому, чтобы видеть корни «невооруженной» революции в Иваново-Вознесенске (и в 1905 и 1917 году) в особом старообрядческом строе города, в котором оказывалось, что хозяева и рабочие были связанными более крепкими узами, нежели рабочие и государство и даже «хозяева» и государство [22, 25, 26].

Современная модель понимания «революционного» настроения рабочих Иваново-Вознесенска оказывается очень далекой от традиционной «большевистской» модели событий. Причинами социального недовольства, как доказывают некоторые ивановские краеведы, стали не только экономическая ситуация, но и экологическая обстановка, а также особая культурная (религиозная) среда – наследие старообрядческих общинных традиций (в частности особая система ценностей), что требовало своей легализации в новой социальной и техносферной действительности. Для переосмысления «советского феномена» очень важен факт социального и экономического кооперативизма, который проявился в событиях, произошедших в тогдашнем безуездном городе.

Заметим, что само время функционирования Совета во многом определяется не столько возможностью выживания в теплые весенне-летние месяцы, сколько временем между постами в «календарной сетке» православного бытия. Нельзя не упомянуть и об альтернативной рабочей культуре, характерной для возникающих Советов: Ф. Афанасьев («Отец») устраивал для рабочих так называемые «Чайные», формируя тем самым антиалкогольную культуру, корни которой берут свое начало в старообрядческой жизни. (Вспомним и «сухой закон» во время действия Совета на Талке).

Мировоззренческий смысл старообрядческих архетипов

Самые древние структуры сознания человека связаны с религиозным отношением человека к миру. Например, языческие культы существовали на территории замосковского края (от Владимира до Волги по руслам рек Клязьма, Ока) как минимум 20 тыс. лет, о чем свидетельствуют Сунгирские находки стоянки древнего человека недалеко от Владимира.

Двадцать тысяч лет человека связывали с природой формы сакрального обожания, ибо от поведения природы, от ее настроения (т. е. погоды), от ее отношения к человеку зависела вся его жизнь и даже смерть. Это – абсолютное почитание сил природы как живого и разумного существа. Сейчас трудно и почти невозможно сказать о формах понимания древними людьми современного типа смысла сознательности и разумности, но ясно, что это было связано не только со способностью изготовить орудия труда и сунгирских лошадок, но и с умением понимать природу, вживаться и вчувствоваться в нее, что и давало человеку те качества, которые способствовали коэволюции человека и природы, порождению и восхождению человеческого сознания.

Фундаментальные архетипы наиболее сильно сохранились в людях, которые проживали на территории традиционного хозяйства, определявшегося, прежде всего, способностью природы родить средства жизне-бытия человека. Собирательство, огородничество и охота, изготовление утвари и «примитивные» (самодельные) формы искусства – это те «страсти», которые в современном россияnine более всего свидетельствуют о древних пластах его сознания в формах отношения к природе. Когда сейчас речь идет о спонтанном проявлении удивительных художественных способностях у сельских жителей (в Палехе, Холуе, Юже, Юрьевце, Меховицах и других селах и деревнях), то в этом можно усмотреть «просыпание» очень древних пластов сознания, связанным с древнейшим неолитическим и даже палеолитическим художественным промыслом. Природное художничество или художественное природничество – один из самых ярких пластов палеосознания, сохранившихся в формах современного человеческого бытия-сознания (если понимать его как *тождество в сопряженности* микрокосма и макрокосма, божественной и человеческой вселенных).

Изобретательность и талантливость человека, проживавшего на территории рискованного выживания – это фактически следствие непрерывного поиска ответов на труднейшие вопросы самосохранения и умения находить эти ответы в экстремальных условиях и короткие сроки. Коллективные формы бытия русского человека (община, артель, колхоз) – это фактически реликтовые программы его поведения в условиях экстремальной природно-

сти, сохранившиеся вплоть до настоящего времени. Для современного человека до сих пор (уже в туристических формах) сохранилась способность вспоминать радость первобытного бытия, во всей его стихийно-природной простоте. Культура растворения в полудикой природе может рассматриваться как главное качество российского этноса, проживающего на территории в самой сильной степени разнородной и разнообразной в климатических, ландшафтных, зональных, экологических и даже тайно-вселенских формах.

М. М. Пришвин показал, как живут эти древнейшие мифы, которые, к сожалению, в условиях технопрогресса не только интенсивно терялись, но и вымывались из культуры, в силу того, что могли подчас передаваться только в формах невербального общения, сакрального прохождения по «тайной» территории, о которой невербально – киноязыком – поведал А. А. Тарковский в фильме «Сталкер». Существование палеосознания в нашем современном сознании факт известный, но не осознаваемый в мощной глубине своего воздействия. Русского человека в условиях криминальной (по отношению к природе) техногенной цивилизации как обезьяну выучивают поведению, во многом не адекватному той великой культуре отношения к природе, которая была характерна для древнего человека и не в меньшей степени еще жива была в русском крестьянине даже начала XX века. Фактически мы еще живем отзвуками природного палеосознания, хотя и стараемся не замечать этого и более постепенно вытравливаем в себе это уникальное и нужное для любой органичной культуры (например, в Японии сохраняются оба способа помещения себя в миробытие: синтоизм представляет собой именно такого рода природный пласт человеческого сознания, которые является материком для вырастания на нем монотеистических религиозных форм, основанных на примате понимания природы не как организма, а как человеческой способности быть духовным).

Таким образом, культурное пространство современного бытия связано не столько с противопоставлением материального и сознательного (как это характерно для «старой» философии), но, прежде всего противопоставлением телесного (организменного) и разумного (умно-духовного) измерений, которые в дейст-

вительности и в культуре никогда не разделяются, но существуют вместе.

Древлеправославные формы христианства вбирают в себя огромное количество именно этих глубинных реликтовых пластов сознания и м. б. именно поэтому Никоновская реформа похожа на современные болонские процессы. Латинизация и выхощивание природно-вселенского в человеке – вот ближайшие последствия не только новых редакций сознаниевых текстов, но и художественных семиотик. Никоновская реформа в конечном итоге «пристегнула» Россию к европейскому пространству, но при этом огромное количество людей внутренне (на архетипическом уровне) осталась верна старой вере, а некоторые пожелали расстаться с жизнью, лишь бы порвать ту сакральную связь с природным универсумом, без которого фактически немислимо и духовное земное бытие. Во многом современный ренессанс древлеправославия объясняется стремлением к восстановлению тех тонких конструкций, которые были пронесены через самые тяжелые испытания не только культурного и социального, но военного характера.

Важнейшие особенности древлеправославного типа жизне-бытия связаны с тем, что человек имеет прямое (такое же которое он имеет к природе, в которой живет и не может из нее уйти), а не опосредованное (через священника и церковь) отношение к Богу. Это и есть *первая* и, пожалуй, самая существенная черта. Разновидность «поповцев» (выбирающих себе священника) и беспоповцев лишь подчеркивает эту характерную черту субъект-субъектности такого рода религиозного отношения. Личностное отношение к Богу – это самое сокровенное и неотъемлемое право человека, живущего по совести. (Такого рода отношение было характерно для эпохи Возрождения, и, думается, для русского Предвозрождения, что видно на примере бого-отношения, характерного для Сергия Радонежского в формах его общения с лесом, водой, медведем и птицами).

Вторая характерная черта – возможность (и даже неизбежность) домашнего отправления культа. В доме богатого старообрядца всегда была спрятанная подальше от глаз людских комната – моленное (намоленное) пространство. Все стены ее были увешаны старыми иконами, и человек, помещенный в это простран-

ство, оказывался под сильным воздействием топологии Духа. Храм (тем более Великий храм) бесконечно расширяет (экстериоризирует) библейско-вселенское пространство, моленная комната, наоборот, делает это пространство открытым вовнутрь (интериоризированным) и тем самым может быть оказывает не меньшее воздействие, чем храм, подобный Исаакиевскому собору и Храму Христа Спасителя. (Не будет большой фантазией сказать, что бурылинский музей как культурная форма представления (экспликации) Духа вырос именно на этой основе генетической памяти вековых старообрядцев. Музей – это своеобразная кладовая Духа, которая построена не «скупым», а «щедрым» рыцарем, – рыцарем духа и культуры [18].

Третья черта – неподчиненность государственному насилию. Фактически русский природный анархизм своими глубинными истоками имеет именно это антигосударственное настроение. Петровское государство («государство медного всадника») строится на европейских традициях права-закона, а старообрядческая модель общественного бытия строится на самоорганизации посредством закона-благодати. Не случайно феномен насаждения древа государства российского имеет тройственную семиотику: природническую (государство вырастает как дерево), духовную (влага питает дерево, а дух государство), деятельностную («организационную»: государство крепится единством двух властей материальной и духовной). Принципиальное различие между этими моделями общественного устройства определили и различие между царской и императорской властью: властью по законам жесткого детерминизма и модели мягкого детерминизма и социальной самоорганизации, которая проявляется в формах артельности, коллективности, кооперативности.

Четвертая важнейшая черта – это культура усмирения своих материальных потребностей в пользу своих ближних и дальних соплеменников и во имя Божие. Н. М. Никольский отмечает, что купцы-старообрядцы были более богатыми нежели их «никонианские коллеги», а сам старообрядческий капитал оказывал весьма сильное влияние на государство и общество. В то же время и вознесенские старообрядцы были скупы даже для своих дочерей, утверждая тем самым аскетические формы бытия, характерные, например, для жития С. Радонежского. В подобных

формах проявил себя и «советский социализм» – как уравнение всех (уже не только перед Богом) как в материальном, так и в духовном плане. Великая русская социальная и культурная революция, таким образом, имела существенно важные для понимания произошедшего в начале XX века старообрядческие корни. Все эти уникальные черты были сохранены и донесены до нашего времени в «заповеднике старообрядчества» – как можно было бы назвать Иваново-вознесенский край.

Современной русской культуре необходимо найти баланс между тремя формами корневой религиозности: языческими культурами (понимания природы как живого и разумного организма), старообрядческими (древлеправославными) формами лично-персоналистической укорененности (не только общение с силами природы, но и самой высшей – духовно-божественной силой, которого называют Творцом) и современно-православными формами общественно-государственного этно-существования. Конечно же, это религиозное триединство не исключает, а предполагает сопряжение с научными, художественными и философскими пластами сознания.

Для органического формирования российского древа сознания необходимо восстановление всех пластов не только религиозной, но и других ипостасей культурно-природного бытия этно-национальной общности.

Возникновение Совета в свете социальной синергетики

Такая мощная социальная структура как Иваново-вознесенский общегородской совет не могла возникнуть из ничего – за ней стояла мощная «тенева» структура «патриархальных» межличностных (а не только экономических) отношений. Таким образом, организация «Совета Иванов» свидетельствовала об удивительно высокой для того времени социально-организационной культуре. Совет в этом смысле важнейший фактор естественного роста новой российской государственности (т. е. форма народно-рабочей власти), которая могла в силу своей конструктивности оказаться удивительно продуктивной для решения уже накопившихся в результате гигантского шага, который сделала текстильная промышленность...

решать свои проблемы и ставит задачи защищать себя от произвола любой власти. Советский строй народной власти, утверждался не только «Афанасием», но и «Арсением» – организатором и руководителем рабочих дружин, охранявших порядок на Талке, и в будущем ставшим народным Иваново-вознесенским губернатором – М. В. Фрунзе, трагическая судьба которого свидетельствовала, что он также не вписался в стандарты сталинского (фактически анти-советского) режима.

Судьбы советской власти

Власть, родившаяся в Иваново-Вознесенске, – это особый исторический формат, но это и прообраз будущей народной «русской власти», которая претендует на то, чтобы стать новой российской (а значит евразийской) властью, не теряющей своего божественного предназначения бытия с народом и для народа.

Смогла ли иваново-вознесенская советская власть доказать, что она может стать эффективной работающей формой самоорганизации критической массы рабочего населения и социальной эволюции большой техногенной территории? Да смогла. Но когда этот опыт, родившийся из уникальных условий соединения высокоорганизованных рабочих, связанных древлеправославными традициями, с выдающимися организаторами (партийцами) социальной эволюции и носителями высокой культуры борьбы за социальную справедливость, стал использоваться как форма диктатуры пролетариата, то механизмы самоорганизации были разрушены, и победил жесткий детерминизм партийной модели мировой социалистической революции.

Поражение советской власти в России (после разгрома Кронштадтского мятежа, провозгласившего: «За Советы без коммунистов») и победа партийной тоталитарности, очевидно, были неизбежными, ибо революционная Россия призвана была выполнять другую сверхзадачу геополитического смысла – сохранить великую российскую империю в ее уже не агроимперской, а техноимперской форме.

Советская власть в той форме как она появилась в Иваново-Вознесенске это значительный человеческий ресурс для проведения всех реформ, которыми озабочена сейчас бюрократическая государственная верхушка. Ни одна из реформ не пойдет в стране

до тех пор, пока не сформируется естественным путем то состояние общества, когда оно само захочет и будет в состоянии (как это было в эпоху роста начала XX века) взять на себя ту работу по самоуправлению, саморегуляции и самоорганизации, которую никогда не сможет выполнить никакое самое подготовленное бюрократическое сообщество местной власти. Советская власть — это форма власти, без которой развитие современной России будет уродливым, коррумпированным и криминальным.

Попытка создания такого рода муниципальной власти в формах самоорганизации как оказалось уже отложена на два года, но как это ни парадоксально в Иванове повсеместно были проведены выборы во власть такого формата. Ностальгия по советской власти — это вполне естественное состояние общества, которому никогда не хватало той власти, которая является, а не просто называется советской.

Первый общегородской совет в Иваново-Вознесенске возник, прежде всего, как особая форма эмерджентности традиций старообрядческой «власти», которая всегда находила и духовные, и материальные ресурсы для устроения совместной жизни даже расходящихся в своем материальном достатке людей (фабрикантов и рабочих). (Весьма интересный факт приводит Ю. А. Иванов: фабрикант-старовер Грачев рабочим- старообрядцам платил больше, чем другим своим рабочим. Как свидетельствует А. Додонова, именно Грачев первым пошел на экономические уступки рабочим во время событий 1905 г.)

Совет — это естественная реакция традиционно организованного сообщества старообрядческой общины и еще не ушедших общинных крестьянских традиций на неразумную организованность жизни в условиях интенсивного развития промышленной жизни региона, это своеобразная попытка подправить перекосы вторгающейся в жизнь «мира» техносферы. (Попытка связать социальное и промышленное бытие проявилась в ивановской утопии Музея промышленности и искусства фабриканта-музейщика Д. Г. Бурьлина).

Надо ли бояться феномена советской власти?

Сегодняшняя федеральная власть воспринимает «феномен советской власти» не как явление общероссийское, а как местное и незначительное, поэтому и достойных событию мероприятий в

юбилейном (2005) году не было, а была лишь научная конференция, проходившая в университета носившем имя «Первого в России общегородского Совета рабочих депутатов». В этом, прежде всего, видны две причины, во-первых, уровень народного демократизма Советов рабочих 1905 года значительно выше «олигархического» демократизма современной России, и, во-вторых, глубинный смысл событий столетней давности очевидно еще не совсем осмыслен (лучше сказать не переосмыслен) современным «еще достаточно переходным» российским общественно-политическим и историческим сознанием.

Смысл деятельности Советов иногда понимают как форму светскости (светскости-советскости), а, судя по всему, его надо понимать как результат рождения особой формы народной самоорганизации с ярко выраженными крестьянско-общинными и общинно-старобрядческими традициями, которые в известной мере следовало бы связать с моделями «протестантского православия» или «православного протестантизма». Уровень промышленной организации рабочих и сложнейшие проблемы организации производственной и бытовой жизни жестко потребовали других форм социальной организации, более эффективной и социально-ориентированной местной и государственной власти, что фактически вылилось в культурно апробированную форму народно-вечевую форму социальной самоорганизации. (В своей книге об «ивановском мифе» Л. Н. Таганов приводит мнение о том, в ивановских землях проживали новгородцы, пришедшие сюда после похода Ивана Грозного на вечевую столицу российской земли).

От тайны и террора к открытой и советской власти

Все выше сказанное будет не в полной мере понято, если не вспомнить, очень важный сюжет иваново-вознесенской истории. На месте нынешнего Музея Первого совета, за свои архитектурные формы называемого «крематорием», (в действительности это здание, построенное к 70-летию событий на Талке, оказалось могилой для истории Первого совета) находилась двухэтажная постройка – гимназия, в которой учительствовал С. Г. Нечаев. Сюда ежедневно приходил «первый российской большевик» из снесенного в «ключевские времена» дома, располагавшегося на нынешней площади

Победы. Старообрядческое «черное» Иваново, оказывается, раньше всех переболело теми болезнями, которые захватят всю Россию и превратятся в тоталитарную эпидемию. Заметим, что при обращении к столетним навыкам старообрядческой «конспиративности», борьбы за социальную справедливость, подпольного (потенного от государства) бытия становятся более понятными истоки «революционной морали» С. Г. Нечаева, смысл формулировок катехизиса революционера. По-другому (как религиозная борьба между тайными и явными конфессиями) может пониматься культурологический смысл и оценка Ф. М. Достоевским в романе «Бесы» подпольной революционной деятельности.

Иваново-вознесенское сообщество в начале XX века нашло свой ответ на вопрос о разумном коллективном устройстве реальной народной власти: общегородской Совет рабочих (вышедших из крестьянства) показал, что система Советов в России оказалась построенной от самого верха (Государственный Совет) до самого низа (фабричные и городские советы). Такова была логика метаисторического развития евразийской ментальной глокальности.

Поиски путей решения труднейших экономических и социальных проблем осуществлял и верхний слой местного сообщества. В начале XX века фабрикант-меценат Д. Г. Бурьлин собирал уникальную музейную коллекцию, которая фактически отвечала на вопросы о возможных культурных формах эволюции российского общества в его более современное состояние. Очевидно, архетипы его старообрядческого сознания подтолкнули его к собиранию масонской коллекции (сами старообрядцы были похожи на масонов хотя бы своим тайным «конспиративным» бытием и стремлением к построению разумного справедливого общества). Этот факт «странного» переплетения масонской и старообрядческой программ изменения мира и власти показывает, насколько сложным был выбор в точке полифуркации в эпоху девятого вала накатывающейся перманентной социальной революции в России.

Эпоха Иваново-вознесенского совета могла стать ответом народно-крестьянского традиционалистского («старообрядческого») сообщества на промышленно-технологические вызовы времени. (Как это ни парадоксально, но применительно к Иваново-Вознесенску прекрасно работал механизм влияния надстроечных форм на всю систему экономических отношений...)

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что события начала XX века в России в меньшей степени проходили по законам перехода от одной общественно-экономической формации к другой, которые описывают классические формы исторического развития (прогресса), а по особым законам многоукладных (трансформационных) обществ, в которых экономическая неразвитость предполагает доминацию форм общения, которые еще не лишены (а, наоборот, очень сильно нагружены) реликтовыми программами с ярко выраженными религиозно-архетипическими содержанием.

Формационный подход, как стало ясно теперь, мало что объясняет в российской истории эпохи Великой социальной революции. В дополнение к нему следует добавить цивилизационный и институциональный подходы, ибо в «русском распаде» сплелись религиозная, художественная, культурная революции, которые имели собственные формы и причины происхождения и темпования развития.

Три российские власти

Всемирная история показывает, что по большому счету существует два «идеальных типа» общественной интенциональности: первый – нацеленность на капитал, на богатства, на «потребительство» (эти формы требуют интенсификации трудовой активности, «эксплуатации», обмана, жестокости и несправедливости); второй – нацеленность на человека, на «человеческие качества», субъективный фактор (в этом случае осуществляется культурный взрыв, «культурная революция», духовная трансформация, предполагающие гуманизм и эволюцию человека).

В действительности «история» подталкивает общество к поиску «среднего пути». В истории России поиски такого рода исторической гармонии чаще всего заканчиваются неудачей в силу «разжиженности» социального пространства и вселенскости пространства географического. Для России, где человека подчас «достать» весь трудно или просто невозможно (ибо есть Сибирь и Запорожская Сечь, замосковский – лесной и болотный – верхневолжский край) история оказывается более свободной, а значит и более архаической. Этот факт до известной степени определяет

силу альтернативных форм власти, которые подчас и оказываются более сильными.

В каждом региональном геонсоферном хронотопе осуществляется своя модель поиска такого рода уравновешивания материального и духовного (антропо-культурного) производства, определяющееся многовековой спецификой форм жизне-бытия.

Классическое (классовое) государство российское *крепчал* не только в борьбе с иностранными государствами и их армиями, но и в борьбе (постоянном противостоянии, которое может вообще рассматриваться как «перманентная гражданская война») с народной самоорганизацией, которую иногда называют «народной анархией» (но которая на самом деле является «народной монархией»), ибо анархия – мать «естественного порядка».

Сила народного общежития и народного сознания всегда создалась не только правящим классом, но и самим великим и могучим народным этносом, который на протяжении всей своей многотысячелетней истории формировал свои «стандарты» жизненной удовлетворенности и поднимался лишь тогда, когда его переполняло чувство несправедливости или гнева. Народная привычка жить в своем Боге с ощущением вселенской (языческой) миссии своего бытия, породнением с красотой и величием мира – делало характер народной власти похожим на Илью Муромца, правильным чином живущим в своем доме (внешне «лежащим на печи») по заведенному предками и проверенному веками естественному порядку-свободе. Вот здесь и кроются истоки «народно-советской» власти, на которой зиждется сила власти государственной и которая проявляется во всю мощь только тогда, когда государственная власть оказывается или становится слабой. Народная сила из замосковно-верхневолжского края во главе с князем Д. Пожарским пришла в Москву и спасла Российское государство, она преодолела и смуту, которая обозначала точку выбора новой стратегии развития страны (как бы сейчас сказали в терминах социальной синергетики – точку полифуркации).

Народная сила в форме социальной революции превратилась в «советскую власть», когда разлагающаяся и деградирующая верхушка романовской империи готова была потерять свое геополитическое могущество в результате японской и первой мировой войны и обострения социально-политических противоречий внутри страны.

Родившаяся в Иваново-Вознесенске «власть советов» — проявление именно той «невидимой силы», которая и называется — сила духа народной самоорганизации (и которая, по-видимому) составляет 4/5 айсберга власти как «закона-порядка»).

Эту особенность российского государственного мироустройства обычно обозначают формулой: «В России две напасти: власть тьмы и тьма власти». («Тьма» — это тысяча человек. Но в приложении к социальной синергетике речь идет о «тьме тьмы», т. е. о «миллионной власти»). Думается, что парадигма двоякой бессмысленности лишь крайняя степень проявления (а м. б. лучше сказать «понимания») феномена трех «культур власти»: «власти государства», «власти народа», «власти Духа (интеллигенции)». Как показывает опыт российской истории, две любые власти, объединившись, всегда бьют третью власть». В этом и состоит геополитический смысл российской метаистории.

Эти три кита власти предполагают и трех китов ноосферной истории: феномены язычества, древлеправославия и ново(евро)православия — сосуществующие формы мощи народного и этно-национального сознания и поведения, которые как архетипы определяют геологические и тектонические формы деяний российского «человеческого качества» (российского живого и духовного вещества).

Метаисторические судьбы Иваново-Вознесенска

История, превратив заштатный Иваново-Вознесенск в третью пролетарскую столицу, центр Ивановской промышленной области и текстильный цех страны, в конечном итоге вновь превратила город в медвежий угол и глубокую провинцию. Промышленное текстильное Иваново уже не существует как экономический и даже как музейный центр, но главное качество «университетов на Талке» все-таки осталось. Иваново — крупный университетский город, в котором вываривается российское «будущее», которое будет делаться руками нынешнего студенческого сословия, российской пред-интеллигенции.

К сожалению, старая партийная историография истории Первого общегородского совета рабочих депутатов приучила воспринимать советскую власть только как противоположность самодержавной власти, но на самом деле природа советской власти в

Иваново-Вознесенске иная, нежели только рабочая (и пролетарская). В этой власти рабочая форма только внешняя оболочка (одежда), ее глубинные корни проявляются в старообрядческих традициях жизни без верхней власти (бежании от власти). Однако, этот этатистский эскепизм не предполагал анархию в ее примитивном понимании, наоборот древлеправославная власть-традиция, власть-авторитет были бесконечно более сильным механизмом управления, нежели даже царская власть. Древлеправославная традиция власти тем и сильна, что в ней неразрывно связаны природные и религиозные, духовные и материально-экономические ценности, эта власть по своей природе гармонизировала бытие человека в усложняющемся мире. Нет нужды сейчас абсолютизировать старообрядческие традиции самоорганизации жизни русского народа (хотя опыт старообрядцев в Русской Америке чрезвычайно показателен и интересен), в нем проявляется и гигантский консерватизм русского общества, но для нас важно подчеркнуть, что Совет как форма власти – это реальный плод российской истории совершенно неслучайный, более того естественно-закономерный, ибо возник в результате естественной духовно-хозяйственной эволюции промышленного региона.

Переосмысление в культурологическом ключе смысла Совета, возникшего в Иваново-Вознесенске, конечно же, требует дальнейшей проверки и «верификации», однако оставаться на той идеологической трактовке произошедшего в иваново-вознесенском народном котле, который называли «Красным Манчестером», уже не невозможно. Привлечение к анализу событий столетней давности культурно-исторического подхода, синергетических трактовок бифуркационных точек российской истории, выявление «странных аттракторов» (форм «социального тяготения») позволяют иначе взглянуть на возможные траектории российского развития в начале XX века. Вечевые традиции Новгорода в этом случае могут рассматриваться как прямые предтечи Иваново-вознесенского Совета, формы реальной российской демократии, не успевшей вырасти в новые формы социально-социалистического хозяйства и бытия до того момента, как она пала под топором тоталитарной власти, нацеленной на культивирование нарождающегося «мирового социализма».

Советская идея – глубинная российская идея и думается, что в лучших российских традициях в эпоху демократическо-криминального оскала она была выброшена не случайно. Даже к столетию Первого общегородского Совета федеральная власть не осмыслила для себя и для общества смысл этой власти. Отказ от размышлений на федеральном уровне в рамках общероссийской научно конференции был обоснован тем, что первый совет (совет на одном отдельном предприятии) возник на Урале, а вовсе не в Иванове. Но тогда надо было бы поискать социальные и культурные (в том числе религиозные) причины советского движения в России того времени. Не это оказалось важным для федеральной власти, ибо еще в ельцинские времена регионы взяли столько власти, сколько могли и совсем не по советским (религиозно-нравственным), а по криминальным меркам.

Современное интенсивное развитие России уже в ближайшее время потребует широкого привлечения форм народной самоорганизации (заметим, что интенсивное развитие страны в годы восстановления народного хозяйства шло именно в рамках форм самоорганизации и было осуществлено фактически за пять лет, а не за 15 лет как предполагали зарубежные экономисты). Торможение в сфере реализации национальных программ, на наш взгляд, связано именно с тем, что организованность советской власти на всех уровнях социального жизне-бытия не стало реальной практикой. Современное чиновничество предстает в качестве последней формы имперско-тоталитарной царско-генсековской власти, делающей все от нее зависящее, чтобы паразитировать на застойной пассивности социума, доведенного до отчаяния государственным произволом и криминальным беспределом.

Социализм «старого обряда»

Природа социализма в России – одна из самых трудных загадок метаисторического дискурса. Современные историки уже поставили вопрос о том, что *русский социализм* – не является социализмом вообще (т.е. выпадает из традиционного марксистского понимания типологии общественного развития). Он скорее должен быть обозначен как средневековый (варварский, крестьянский) социализм. Исторический парадокс заключается в том, что общесоциологический социализм как название проявил себя,

298

прежде всего, в России и лишь потом с достаточно большой интенсивностью начал свое метаформационное шествие по планете в формах подчас настолько уродливых, что даже и не может быть назван социализмом (национал-социализм в Германии, маоизм в Китае). Только в начале XXI века социализм начинает утверждаться на «собственно марксистских» основаниях, т. е. на экономике самых развитых капиталистических стран (в скандинавских странах, странах восточной Европы, Италии и Франции). «Гибель коммунизма в XX веке», о которой говорил З. Бжезинский на самом деле обернулась не только континентальным, но и мировым продвижением «фактического (формационного) социализма», чтобы не использовать термин «реальный социализм». Сейчас следует признать, что социализм по своему интенсивно развивается в каждой европейской стране, ибо он на первых этапах своего социально-экономического проявления фиксируется в формах социального и правового государства. Большинство развивающихся стран (Азии, Африки, Латинской Америки) также идут по этой социально-социалистической дороге в формах отвечающих не пролетарскому, а крестьянскому социализму, т. е. социализму старого (феодалного) образца. В этом смысле Вторая мировая война оказалась стала рубежом за которым начинают быстро исчезать формы примитивного социализма («социалистического феодализма» и «социалистического национализма»). Уход с мировой арены «реального (русского) коммунизма» в СССР дал возможность оценить не только слабые, но и сильные стороны общества, ориентированного на социально(антропо)-экологические ценности. В этом смысле наступивший XXI век представляет собой век антропо-социального ин-формационного (ноосферного) общества.

Основная цель «современного социализма» – это последовательное достижение устойчивого антропоэкологического развития общества, ориентированное на избегание резких конфликтов и острых противоречий между материальным и духовным производством, которые могут привести к социальной деградации и общемировой катастрофе.

В этом смысле следует понимать и специфику «современного русского социализма». Идеалы родственности, коллективности, семейности, общинности, соборности сплелись воедино в

народном понимании и «сердечных чаяниях» «традиционного русского социализма и коммунизма». Эти черты шлифовались тысячами лет относительно независимого существования евразийского этноса в природе, и поэтому могут рассматриваться в качестве архетипов российского этно-бытия. История российского развития показывает, что эти архетипы не переделать никакими решениями сверху, можно лишь понять «народную тягу и народную мечту» и постараться «дать ей волю».

В начале XX века эта вековая мечта русского человека к новому естественному (природно-свободному, космо-народному) бытию прорвалась в Великой русской социальной революции. В ней по-своему получили воплощение (лучше сказать недоовоплощение) чаяния евразийских язычников (неоязычников, которые космо-пантеистически понимали мир), старообрядцев (в древле-православии проявилось желание человека жить в духовном пространстве антропо-ориентированной религии персоналистического, т. е. негосударственнического образца), мусульман (претендовавших на свою немалую долю духовного и материального евразийского бытия), иудеев (желавших жить вне «зон отчуждения»), наконец «рабов»-крестьян и «рабов»-рабочих (глубоко чувствовавших свое право вырваться на свободу в незатронутый государством мир природы). Тоска по природной свободе – неотъемлемое чувство («вселенское чувство») евразийского человека... Но и «человека вообще», как свободно-духовного феномена.

Иваново-Вознесенский «социализм старого обряда», выразившийся в формуле Советов на Талке – это уникальный вариант возможного социально-политического и социокультурного развития промышленной России (и своеобразный аналог «вечевого строя» искомой народной власти – демоархичности).

Земская и советская власть в процессах современной социальной самоорганизации

Когда-то давно В. И. Ленин назвал земства «пятым колесом в телеге Российской империи», понимая под этим их совершенную ненужность. Но смысл «пятого колеса» в том и состоит, чтобы во время аварии попытаться его установить и двигаться дальше в соответствии с намеченным путем. К сожалению, ситуация в

России оказалась более критической, и колеса в условиях авральной индустриализации и милитаризации страны были заменены на гусеницы, а значит негодились вообще ни какие колеса, и в том числе «колеса советские».

В свое время А. И. Солженицын в проекте «Как нам обустроить Россию» говорил об эффективности развития земских традиций в наше время. Над ним тогда только посмеялись, ибо в одну воду нельзя войти дважды. Но проблема, очевидно, в другом – для организации форм земства необходим тот культурный пласт экономически независимых и хорошо обеспеченных собственников и интеллигентных людей, которые бы понимали высококультурный смысл общественной бесплатной деятельности по управлению обществом. Советы в настоящее время не могут не предполагать земские формы общественной жизни, ибо современная бюрократическая власть решает, прежде всего, технократические (по преимуществу) проблемы (и только сейчас – в 2006 – осознала необходимость *антропологического поворота* в своей политике). Современная местная российская власть, построенная по западным образцам, оказывается (в отличие от западно-менеджерской) в той же мере коррумпированной, в какой коррумпирована и власть на верхних ее эшелонах.

Кризис власти в становящемся все более культурным и демократическом (а лучше сказать стремящемся к равноправно-справедливости обществе) назрел, и когда политики обнаружат, что котел уже закипел, будет поздно. Уже сейчас надо думать о том, как культурному народу дать власть разумную, ответственную, власть, которая является не формой навязывания проектов движения, утопий и мифов, а формой общественной самоорганизации с ярко выраженными антропологическими и экологическими ориентирами.

Особенность российского бытия всегда заключалась в том, что гигантские пространства создавали особые условия для существования различных форм власти. Царская власть контролировала лишь самую незначительную часть территории, которая была связана дорогами (сначала конными, а затем железными). Большая часть России контролировалась раньше (да и теперь) региональными и локальными формами власти-авторитета. Причем тневая (потусторонняя) власть всегда оказывалась сильней,

чем власть посюсторонняя (так было в Смутное время, когда один костромской мужик оказался сильнее, чем царская власть, так было и в Великую отечественную войну, когда русский мужик, презрительно называя центральную власть «Ёськой», сломал хребет немецкой армаде).

«Беда» перестройки во многом состояла в том, что «из подполья» вышла настоящая российская власть, и она оказалась бесконечно сильнее, чем власть центрально-московская. Только сейчас федеральная власть начинает медленно отвоевывать пространства пока лишь для себя (но еще не для общества). Именно поэтому так важно чтобы российский этнос вспомнил своим нутром чувство хозяина, для того чтобы объединить кооперативные ресурсы своего бытия для выправления нормальной российской жизни.

Все развивается по спирали, но оказывается, что семена социальной формы самоорганизации, которые были посеяны в Иваново-Вознесенске в начале прошлого века еще только сейчас оказываются в такой социально-экологической среде, которая даст возможность им реально *порости*. А значит, не случайно и то, что советская идея и ноосферная идея оказались проявленными в одном социокультурном пространстве. Это во многом две стороны одной медали поиска путей социальных трансформаций, которые отвечают формам российского месторазвития.

Иваново-Вознесенск – это гигантское семиотическое пространство с вещами и знаками, формирующими глубинные смыслы бытия, которые не вымываются и не выветриваются суровыми потоками времен.

Новая российская власть еще не родилась

История Советской России – это история неправославной монархии (криминальной по своей сути «тотархии»), которая до настоящего времени не поменяла своих сущностных характеристик. Ельцинский («как бы» демократический) режим быстро потерял свой народный смысл, и за ним, прикрывшись демократическими одеждами, пришли представители больших, а затем и очень больших денег. Интеллигенция, двинувшаяся было во власть, либо была оттуда выдвлена «техническими» (посредством дорогих социальных выборных технологий, «эффективной политики») или физически (угрозами или физическим устранением).

Современная власть представляет собой «посткоммунистическую» по своему содержанию структуру, наполненную «новорусским нэповским» содержанием. Пока новая российская власть еще не родилась. Она продолжает оставаться бонапартистской, переходной, предполагающей существенное «властное обновление». В этом обновлении советская идея должна сыграть еще очень значительную роль, ибо именно в ней проявляются социально-синергетические эффекты.

Современная точка зрения на власть значительно отличается от стандартных марксистских подходов, в которых насилие оказывалось сутью власти, сегодня реальная власть – это «власть-авторитет», т. е. форма «ненасильственного принуждения авторитетом», а это по большому счету и есть точное выражение смысла *действительной власти Совета*.

Попытка президента Ельцина осуществить «советизацию» партийной власти как показывает недавняя история России, оказалась очень эффективной, но в «мутной социальной российской жизни победила власть «криминально-теневых советов», а «народные советы» надолго уступили свое первородство за «чечевичную похлебку».

Последние двадцать лет – время, за которое в действительности прошло, может быть, сто лет российской истории, а это позволяет говорить о том, что современная Россия уже готова к синтезу своей тысячелетней истории, к явлению себя не как «тайны» и «загадки», а как «вещи-для-нас» – той формы общественного развития которая совмещает в себе высшие ценности общественного развития в их глобальном выражении – синтезе восточного и западного соразвития (коэволюции разнополушарных форм человеческого бытия, что применимо не только к географическому смыслу, но и специфике лево- и правополушарного мышления).

Является ли современное Иваново – Иваново-Вознесенском?

Современное Иваново – это плавильный котел, в котором весьма значительные события, которые, как это было в прошлом, несколько опережают средневзвешенные траектории движения общероссийского масштаба. Советская модель власти предпола-

гает, во-первых, власть для решения самых острых проблем, которые не хочет решать «власть сверху», во-вторых, это власть, возникающая из неформальных (и поэтому «человеческих») структур и сильная знанием о путях решения проблем («здесь и сейчас»), в-третьих, это власть интеллектуальная, предполагающая достаточно высокий уровень образования, культуры и гуманизма. В-четвертых, она предполагает реальную «утряску» разнообразных интересов всех общественных групп, для того, чтобы не создавать питательной среды для малого и большого терроризма. В-пятых, это власть здешняя, которая контролируется нравственно-культурным сознанием регионального сообщества.

Как бы ни казалось это парадоксальным, но, судя по всему, в современном Иванове сложилась особая властная структура, обладающая некоторыми «идеальными признаками советов», она часто ошибается, но действует, и потому развивается. «Политические архетипы» таким образом, оказываются более стойкими институциональными образованиями, чем можно было бы предполагать. Советская «идеология» («кратология»), берущая свои истоки в старообрядческой традиции, коллективистских (общинных) принципах социального бытия, формах примата духовно-интеллектуальных ценностей и моделей общения оказывается тем ресурсом, который реально действует в обществе, хотя оно само не очень и представляет себе, что живет этим «почти что» естественным, корневым фактором исторического институционального бытия локального социума.

Из всего этого вытекает неожиданный вывод о том, что в современных условиях преобразований *в России советская власть обретает свой действительный смысл*, независимо от того, как к ней относится региональное сообщество, которое может бояться обвинения в принадлежности к «историческим кляксам». Современные «культурные Советы» (которые придут на место «советам рабочих», «советам рабочих и крестьян», «советам рабочих, крестьянских и солдатских», «общенародным советам») – это многообразные формы социальной самоорганизации, которые уже отчетливо проявляются в региональном сообществе и «социальные структуры интеллигенции» подчас оказываются более авторитетными, нежели потерявшие приличия и всякий стыд «госструктуры».

Демократическая весна ушла, народ взял передышку, чтобы обсудить свои проблемы, а значит приходит время всеобщих советов, которые могут остановить «войну всех против всех» — самую древнюю форму дикого капиталистического существования. Столетний юбилей советов пока не востребован властью, но сама идея «социальных советов власти» действует и чем культурнее будет общество, тем сильнее она будет воздействовать на федеральное и региональное устойчивое развитие.

Но дело не только в этой социальной похожести процессов начала XX века с началом нового века. Феномен современного Иванова похож на феномен Иваново-Вознесенска тем, что в нем, как и прежде, пред-решаются самые острые надвигающиеся проблемы. В настоящее время «Иваново-Ереваново» — межконфессиональное пространство этно-национальных культур, которые реализуют потенциал российской веро-культуро-терпимости (чтобы не сказать толерантности) к сложнейшим социокультурным противоречиям, противоположностям и конфликтностям, которые иногда оказываются сильнее, чем социально-экономические противоречия. «Столкновение цивилизаций» еще раз серьезно проверит потенциал *«советской организованности власти»*.

Советская идея и властное пространство

И через сто лет советская идея так и не обрела свою органическую естественную форму, реализующую необходимость развития социальной самоорганизации широких слоев населения, которые бы видели, что они могут решать самые существенные проблемы своего жизне-бытия.

Как показывает современный опыт, смысл советской идеи неотделим от особенностей устройства российского земско-территориального хронотопа. Идея советов — это очень важная геополитическая идея современной России, ибо именно она задает образ пассионарности народа, позволяет ему осознать себя не как «тех, кого ведут в даль светлую», а как сознательно идущих по выбранным духовным траекториям развития российского менталитета, аксиолитета и праксиолитета. Может быть, действительно, до советской идеи в этой идеальной форме общественной самоорганизации наша страна дорастает только сейчас, да и то не

в полной мере. Только сейчас проблема рассмотрения земств, советов и муниципий (по-русски говоря, – «управ») может быть рассмотрена с точки зрения «принципа дополнительности», когда в новой формирующейся власти должны быть соединены все самые глубокие социально-политические традиции, формировавшиеся веками и тысячелетиями и отвечавшие самостным чаяниям «свободных для самостоятельной жизни» людей.

Идея Советов – это совсем не старая идея, это очень новая идея (или как бы сейчас сказали – «политическая технология»), которую еще и не пытались (или пытались только в «славное десятилетие» послереволюционных лет) применить к нетоталитарному обществу. Первые послереволюционные годы показали, как эта идея может мощно работать на раскрытие социальной энергии народа: созданные ясли, сады, институты, архитектурный и социальный конструктивизм – это лишь некоторые элементы «советского взрыва» в истории Иваново-Вознесенска. Как повернулась бы история старообрядческо-крестьянско-общинных структур в их советской форме, если бы не свертывание нэпа и не курс на всемирную пролетарскую коммунистическую революцию, который выбрала правящая партийная элита, начавшая с войны против своего народа.

История не знает сослагательного наклонения, но современные синергетические представления дают возможность начинать историю с чистого листа, в соответствии с той культурно-исторической картой, которая нарисована живущим «здесь и сейчас» народом.

Конечно же, представить себе духовную экологию нашего края без протопопы Аввакума, без его мечтаний и яростных сопротивлений нерусскому Духу, насаждаемым инородным традициям невозможно, как невозможно сейчас для многих представителей советской интеллигенции признать пути и ценности, которые не совпадают с советским устройством земли русской, земли ивановской.

В свое время Первый секретарь Ивановского обкома КПСС В. Г. Ключев вышел в высшие партийные органы с предложением присвоить первому в Ивановской области университету этого имени, так как Первый ивановский университет в действительности появился на реке Талке как стихийная форма роста созна-

тельности рабочих. С той поры «советы» и «университеты» оказались связаны какой-то тайной нитью, которая только сейчас начинает обретать культурологический смысл. Ивановские краеведы и историки внесли значительный вклад в собирание и открытие важнейших фактов эпохи «осевого российского времени», но сегодня эти факты предполагают иное понимание смысла «феномена советов», ибо любая структура общественного характера неотрывна от той региональной почвы, на которой вырастает, но и имеет свое глобальное «геополитическое измерение».

Ноосферный смысл власти Советов (российская история и власть «направляющего развития»)

В. И. Вернадский, который в начале XX века заседал в Государственном совете, вряд ли предполагал, что еще при его жизни советская власть станет сильнее земской власти (он состоял в Моршанском уезде в этой форме общественной самоорганизации). Но в конце своей жизни он напишет, что «идеи социализма идут в унисон с идеями нашей демократии». Теперь эту идею можно было бы понять совсем иначе, нежели ее толковали в эпоху Советского Союза. Смысл ее коренится в том огромном опыте понимания российской жизни ученым, который вобрал своей социальной практикой и опыт «приютинского братства», и традиции университетской автономии, и «общечеловеческую демократию» научного сообщества, и тяжелую ношу уездного земства, и «верховность» Государственного совета.

Думается, что, осмысливая события начала века, невозможно пройти мимо тех «странных аттракторов», которые волею судеб проявились в Иванове.

Ноосферная идея – идея разумного, справедливого и красивого устройства мира – проявила себя в творчестве профессора Н. П. Антонова, прожившего в Иваново-Вознесенске практически всю свою сознательную жизнь. Ивановский профессор, поучившийся в Ленинграде, побывавший в Польше и Венгрии, работавший в Новосибирском Академгородке, Н. П. Антонов уже в 60-е годы XX века размышлял о биосферном и ноосферном творчестве В. И. Вернадского.

В его памяти сохранились не только неразрушенные храмы и облик старого Иваново-Вознесенска, но и гигантские проекты преобразования города: строительство корпусов учебных заведений, библиотек, мечты о городе-саде, о парковом пространстве вдоль Уводи, во многом связанным с парками самого Иванова. Мечта о народном строительстве нового светлого будущего, пожалуй, факт воплощенного миропостроения, оставшегося от советской мечты и от университетов на Талке.

От этого мечтания берет свое начало и ноосферная идея – идея построения не просто общества социальной справедливости и экономического благополучия народа и страны, но и бытия в гармонии с природой, понимания смысла духовной эволюции современного человечества. Н. П. Антонов удивительно совмещал в себе эмпиризм иваново-вознесенского бытия и теоретичность философского видения мира. Когда смотришь на просторы бесконечной занебесной нерльской поймы, раскрывающейся с высокого берега, на котором располагается деревня Никульское – родовое гнездо профессора – понимаешь, что все в нем, начиная с небольшого, но аккуратного, добротного дома, сада с несчетным количеством антоновских яблонь, все это устроено «по уму», устроено так, как хотелось бы, чтобы было устроено во всей стране и во всем мире. Такова личностная история великих иваново-вознесенских идей, которые рождали и хранили люди, чья энергия жизни была напоена великими просторами замосковского края, приволжской и заволжской глубинки.

В 1983 г. Н. П. Антонов стал инициатором проведения первой в СССР конференции по проблемам ноосферы – «сферы труда и разума цивилизованного человечества». В мире, конечно же, много происходит случайно, но связь между советскими формами самоорганизации, рожденными содружеством рабочей элиты и провинциальной творческой интеллигенции, и ноосферными представлениями, родившимися в творчестве Н. П. Антонова совершенно не случайны. Уровень методологии и уровень сознания рос вместе с ростом культуры – во всем этом усматривается прямая логическая связь неклассическая преемственность развития иваново-вознесенских традиций. В мае 1983 года, когда в Иваново проводилась конференция «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу», академик АМН СССР

В. П. Казначеев заметил в разговоре с корреспондентом ивановского радио: «Сейчас Иваново знаменито Первым советом, но придет время, когда оно будет знаменито тем, что в нем была проведена первая конференция по проблемам ноосферы».

Все будет зависеть от того, насколько быстро станет продвигаться культурное сознание российского сообщества, но уже сейчас отчетливо усматривается *общекультурная преемственность* самодеятельности осознавших свои интересы рабочих в начале прошлого века и современного демократизирующего российского общества, размышляющего о формах экологического и ноосферного устойчивого развития.

Сто лет одиночества

К сожалению, и до сегодняшнего времени природа советской власти не понята и не принята существующей моделью власти в России. Такое впечатление, что исконная российско-советская бюрократия все еще с животным страхом воспринимает все формы российской свободной народной власти для решения своих проблем. Реформирование сверху, без инициативизации народных сил и использования их самоорганизации в России всегда приводят в революции, ибо это реформирование чаще всего ведется самыми бесчеловечными формами в виде хирургической операции без наркоза «безжалостным топором самодовольно-олигархической власти». Сможет ли современная Россия разорвать этот порочный круг несовместимости «возможностей верха» и «желаний низа»? Этот вопрос вновь заставляет обращаться к архетипам российского менталитета и праксиолитета в деле привлечения вековых форм народной самоорганизации. Речь не идет о возрождении старых мифов, речь идет об использовании «реликтовых программ», по которым из глуши замосковского края возникло народное ополчение под руководством Дмитрия Пожарского на деньги купца Кузьмы Минина для спасения государства российского от вражеского нашествия бесконечной смуты. Такого же рода *единонародная власть* формировалась и во времена трудного промышленного восхождения.

Современная коррумпированная власть чиновников негативно воспринимается народом, как она воспринималась и в эпоху царского самодержавия и это важный знак для современной

правлящей элиты. Опыт реального российского народовластия, образцы которого были созданы в эпоху быстрого промышленного-культурного роста российского этноса никогда не останется только историей. Он всегда будет напоминать о себе как о желании народа видеть над собой власть, которая соответствовала бы высшим требованиям жития человека с Богом, даже в том случае, когда социальные и международные условия, казалось бы, не оставляют для этого никаких возможностей. Именно поэтому российский народ приемлет «самодержавие культурного монарха», но всегда старается помочь себе формами своей собственной власти для самоуправления и самоорганизации. Сейчас очевидно в России наступает этот важнейший в ее истории момент, когда культурный уровень народа может стать гарантом этого сложного сопряжения власти ближней и дальней, власти народной и бюрократической, власти земной и божественной, иными словами земного и божественного самодержавия.

Советы как власть народа и интеллигенции

В дни сегодняшнего хищнического эгоистического «комсомольского» капитализма практически невозможно признать актуальность реального творчества народа, которое носило эволюционный, реформистский характер. Судя по всему, осуществляя современную муниципальную революцию, «исторически кооперативная Россия» уже не сможет обойтись без элементов, без смысла того разумного, социально-оправданного коллективного действия, которое только и обеспечивает формы коэволюции государства, народа и интеллигенции. Социально-синергетическая форма современных российских советов, должна быть учтена в любых современных трансформациях местной (а значит, земской), эффективной (а значит «народной»), умной низовой власти, без которой власть верхняя отрывается и тем самым практически всегда (как показывает российская история) обрекает себя на деградацию и колоссальные потрясения для всего народа.

Организационные формы советов – на наш взгляд, это необходимые звенья современной российской трансформирующейся власти, без которых не сможет быть осуществлена эффективная федеральная власть и устойчивое развития, как на региональном, так и федеральном уровнях.

Конечно же, реанимирование формы Иваново-Вознесенского совета столь же бессмысленно и непродуктивно, как и ссылка на старые «советские советы», ушедшие в историческое небытие, но создание органов, которые бы обеспечили эффективные способы такого советования необходимы, для того, чтобы не возникало у власти субъективных и объективных возможностей парадоксального самооправдания по принципу: «Хотелось как лучше, а получилось как всегда».

В мае 2005 года в Иванове прошла конференция, посвященная 100-летию Советов в России, на которой в докладе Ю. М. Воронова «Революция власти в мире и в России», прозвучала мысль о том, что «местное самоуправление пытаются отложить до 2008 года, но это была бы большая ошибка, ибо именно сейчас необходимо строить новую форму задействования энергии масс, противостоящей олигархической власти».

Возможна ли в России советская цивилизованность

Советская цивилизация, пусть она даже просуществовала всего 70 лет, слишком мощная социальная структура, чтобы исчезнуть и не сохраниться как архетип в сознании и деятельности людей. Более того, и возникнуть она могла (да и возникла как стихийно – синергетически – возникающая структура) из самых глубин российской провинциальной, т. е. народной жизни.

Советская модель общественного развития показала, что может эффективно существовать в самых неблагоприятных условиях, когда центр либо слаб, либо его вообще не существует. Заметим, что в странах Европы подобного рода структуры всегда существовали и существуют до настоящего времени, хотя, может быть, их функции переносятся в «мирных» условиях на культурно-образовательные и развлекательно-воспитательные задачи. Советская власть как гуманистическая форма социального советования, по своей сути, если отстраниться от идеологического содержания, которое в них было вложено искусственно и до известной степени насильственно, – это универсальная форма устойчивого развития системы «Человек–Общество–Природа».

«Принцип советов» и «принцип «партийного (так называемого демократического) централизма» в значительной степени противостоят друг другу и поэтому могут рассматриваться как

дополняющие друг друга. Иными словами коммуно-советская система даже по своему определению внутренне предполагает совмещение западной (коммунистической) традиции (которая на самом деле оказалась восточно-тоталитарной) и российской (кооперативно-общинной).

В современных условиях общинно-советско-кооперативно-колхозно-союзно-коллективистская модель российского обустройства общества вступила в борьбу с империалистическо-олигархически-монополистическим капитализмом. Такое уже встречалось в советской истории в начале XX века, и тогда в условиях мировой войны капиталистический империализм превратился в социалистический тоталитаризм. Подобная трансформация, думается, ждет и современную Россию, ибо институциональные механизмы в процессах общественной самоорганизации обладают чрезвычайной способностью к выживанию. Американский нобелевский лауреат Дуглас Норт показал смысл институциональных механизмов в экономическом развитии, и тем самым дал возможность понимания социальной самоорганизации, вытекающей из социально-культурной специфики того или иного общества.

«Институт советов» может рассматриваться как самый исторически глубокий способ устройства совместной жизни большого и малого коллектива (чтобы не сказать «социального субъекта»). Этот институт как своеобразное зерно обнаруживается во всех публично-общественных формах организации, саморегуляции и самоорганизации жизни российского общества, даже в тех случаях, когда эти формы власти называются заморскими словами, которые как бы должны скрыть сермяжную правду «вековой сути российской власти». Советы олигархические, советы демократические, советы криминальные, советы партийные, советы локальные, советы местные — далеко не полный список «советских институтов», требующий типологизации и систематизации.

Недавно один коллега-экономист, зайдя в кабинет общественных наук, увидел тома произведений В. И. Ленина и, проведя по ним пальцем, сказал с сарказмом: «Читайте, читайте». Думается, что он был парадоксально прав, ибо в условиях современной реформации каждый человек во власти и бизнесе вновь обязан читать труды того, кто оказался самым мощным оппонентом власти, не желавшей считаться с интересами народа-этноса, и как

теперь становится понятным (после Великой социальной революции и Второй мировой войны) – народом-богоносцем, который логикой истории сближения Запада и Востока становится в центр цивилизационного развития. Архетип «советов», т. е. «стихийного утверждения социальной справедливости народного разлива» рано или поздно все расставит по своим местам. К сожалению, современная власть не совсем хорошо понимает, с чем она столкнулась (а лучше сказать, с чем имеет дело) и поэтому ведет себя подчас так, как вела себя царская власть «немецких» кровей.

Архетип *советской жизни* может рассматриваться как самая корневая структура социума применительно к условиям российской жизни, в которых и личность и общество могут выжить лишь в условиях совместного кооперативного действия. В российских условиях непредсказуемости (спонтанности) поведения внешней среды, поведенческий и особенно властный индивидуализм принципиально обречен. Вспомним осуждение «хрущевского волонтаризма» (субъективизма в решении общественно-государственных проблем) и обнаружим не только позитивные, но и значимые негативные стороны «института советов».

Весьма показательно, что неустойчивость личной партийной власти (таких лидеров как Н. С. Хрущев, М. С. Горбачев) подчас вызывается иной культурой управленческого поведения. Индивидуализация власти (в личностных и гендерных формах) приводила к постепенному выдавливанию «управленческого концепта» из реальной власти. Власть *тайных и явных советов* оказывалась наиболее живучей и эффективной формой тонкой подгонки исторического процесса в жестких российских условиях. Именно поэтому соперничество между властью внешней и властью внутренней (а лучше сказать властью видимой и невидимой) – это сакральная модель реализации российской метаистории. В этом плане весьма показателен образ «серого кардинала» М. А. Сулова (выходца из симбирских староверов). Модель идеократии того времени была похожа на формы «религиозно-идеологической» борьбы, которая была характерна для разных течений старой веры.

Власть разума и разум власти: логика ноосферного развития человеческой цивилизации

Власть в восходящей по ступеням экономической и духовной эволюции России обречена быть оковно-самодержавной, если не сумеет дать свободу народной самоорганизации снизу, что всегда в российской истории являлось фактором ускоренного и динамичного (устойчивого) развития.

Парадоксальный вывод: очевидно нынешнее российское общество культурно (и организационно) еще не доросло до того состояния, когда советская власть становится естественной формой социальной самоорганизации. Через промежуточные формы оно еще только старается пробиться сквозь «тьму власти» после «перестроечной» «власти тьмы». И в силу этого современное российское общество еще не приобрело статус «цивилизованного», оно еще «варварское» по формам власти-насилия (а не власти-авторитета). Современная легитимизация «путинской власти» опирается только на монархические настроения народа, высоко оценивающего личностные качества Президента как Императора-Самодержца. Но время культурных форм социальной самоорганизации в России еще не пришло, хотя оно стучится в окна и двери формами самоуправления и ипотеки, усиления мелкого и среднего бизнеса, оживления после удушения безропотно-терпеливой низовой (провинциальной) интеллигенции.

Советская власть – это особая форма самоорганизации, возникшая на глубинных крестьянских корнях, и примененная к фабрично-заводской общественной и культурной жизни. В ней выражен богатый опыт этно-национального выживания (самосохранения и адаптации) в условиях катастрофичности российского бытия.

Советы и синергетические процессы в ноосферном обществе

«Механизм» социальной самоорганизации проявившийся в годы первой русской революции, таким образом, представляет собой способ совмещения («утраски») интересов в рамках общинных архетипов традиционного «взаимопонимания» патриар-

хальных хозяев и их рабочих и слуг. Культура самоуправления крестьянской общины всегда стояла несколько в стороне от барских дел. Чаще всего помещик, назначив управляющего, фактически поручал ему решать вопросы хозяйственной жизни и при этом фактически включал механизмы общинной самоорганизации.

Советские социальные архетипы были проверены самыми тяжелыми испытаниями в годы отечественных войн, природных катастроф и восстановления разрушенного хозяйства. Советские архетипы и сейчас живут или, по крайней мере, очень часто оказываются востребованными (Последний пример: Общественный совет при Президенте РФ, а также – общественные советы при губернаторах).

В чем же специфика раскрытия советских архетипов в условиях современного информационного (ноосферного) общества? Прежде всего, в том, что раньше «совет» имел смысл пространственной временной или проблемной локализации (Совет в Филях, Совет на Талке, Государственный совет, Общественный совет), сейчас формы советования опосредованы массмедийным пространством. Это означает, что вместо выборных представителей (уполномоченных) в процедуре советования может участвовать практически каждый, но и эффективность такой процедуры перестает носить конкретный характер. Синергетический смысл выработки правильного решения – в конкретном осмыслении конкретной проблемы теми людьми, которые представляют среду (экономическую, архитектурную, экологическую, политическую, эстетическую, языковую, семиотическую) своего обитания с учетом перспективы дальнейшего пребывания и проживая в ней, с учетом того, что эта среда должна обеспечивать физическое, психическое и духовное здоровье в ней проживающих.

Советы против смуты

«Западнизм» – как пагубная несамостоятельность от слабости – как особая форма не только экономического порядка, но и политической власти уже завершает свое историческое деяние в возрождающейся России. Дикий капитализм – разгульное бездумие – для российского общества советского (трудостарообрядческого и рабоче-крестьянского) типа уже отыграл

свои козыри. Приходит время думать не только об экономическом, но о духовном и культурном прирастании России.

Современная властная вертикаль вынуждена будет считаться с архетипическими формами народного самоуправления и народного самодержавия. Без такой оглядки «власти одежды» на «власть народного тела» ни одна политическая власть не устоит и будет разорвана в клочья. Именно поэтому крупный российский политик – это, прежде всего, интуитивист народной воли, если это не так, то он становится самозванцем и начинается эпоха беспросветного безвластия – российской смуты.

Проблема «государственничество или советничество» – центральная проблема социально-организационной российской истории. Феномен государственничества усиливается в периоды широкого организационного строительства по уже сформированному и созданному, широко апробированному плану. Феномен «советничества» становится значимым, когда необходимо внести значительные коррективы в стереотипы и формы социально-культурного развития. Советничество – это коллективный способ совместного принятия чрезвычайно ответственных решений, от которых зависит выбор дальнейшего аттрактора развития событий, социокультурного «манка», «неодолимо зовущей к себе утопии».

Думается, что современная российская власть недооценивает бесконечно выросший уровень культуры «народной советскости», до сих пор справедливо подозревая «советскую власть» в качестве самого сильно оппонента государственного единовластия, в какой бы форме оно не происходило. Советская власть и сейчас – по-прежнему – понимается в ее неотделимости от власти тоталитарно-партийной (которая, кстати, сама не переносила «претензии» на решение отдельных проблем даже той советской власти, которая всегда была лишь безропотной тенью власти КГБ-КПСС).

Сейчас российский истеблишмент приучает «население» жить по законам управляемой («проплачиваемой») демократии, которая сначала носила «открытый», а затем «закрытый» (с поправками на назначение губернатора) характер. Но традиции советской власти (которая опирается не столько на «коронованные» субъекты власти, сколько на народный здравый смысл), которые проявляются в «культурной» (т. е. освященной традицией) анар-

хии», продолжают сохраняться как потребный стиль общественного поведения, истоки которого связаны с крестьянской общиной, разнообразными формами кооперативности, противостояния самодержавию и тоталитаризму, свободе самовыражения. Даже в условиях глобализации современная власть в России не сможет не считаться с тысячелетними традициями религиозно-культурной, хозяйственно-экономической, организационно-управленческой («властной») жизни.

В настоящее время в России складывается новая власть, она возникает как преодоление незаконно захваченной одной партией власти в 1917 году, как медленное и робкое посягательство на власть белого, серого и черного криминала, которая характерна для нашей страны, начиная еще с доперестроечного периода. Возникающая власть вряд ли будет похожа на современные образцы власти в западных странах, ибо ее практическо-утилитарный характер очень часто проявляется в тех случаях, когда в западных странах возникают случаи гражданского неповиновения и молодежных социальных протестов. Эта власть, весьма вероятно, будет похожа на те образцы анархической (антигосударственной) власти, которая всегда противостояла государству как форме решения проблем одного класса-слоя, будь то, дворянский, буржуазный или рабочий класс. Советская власть по своей природе это способ советования между различными классами, между государством и гражданским обществом, между различными социальными полами (гендерами) (не только между мужским и женским гендером, но и между детством-юностью и взрослостью-старчеством).

Российская советская власть в таком случае становится неизбежностью для информационного общества, где способ устойчивого, ненасильственного развития может быть задан сначала в виртуальной реальности, а затем реализован как факт совместного (когерентного) социального действия большой эффективности. В еще большей степени это относится к формирующемуся ноосферному обществу, в котором техногенное развитие (доминантное для информационного общества) уступает место высоким технологиям собственно человеческого развития.

К сожалению, очень часто современная реальная российская власть не слышит и не хочет слышать голос народа и интел-

лигенции, она еще только мучительно заставляет себя делать это, она все еще фактически противостоит народу в желании построить российский народный (этно-национальный) мир под «верные» образцы западной цивилизации. Однако, культурный народ (в результате великой культурной общенародной революции российский народ действительно постепенно становится одним из самых культурных народов мира) уже претендует на более высокий уровень той власти, «которой он достоин».

На одном из домов в нынешнем Иванове до сих пор располагается мозаика «Вся власть Советам». Сто лет одиночества для советской власти, как показывает наша сегодняшняя история, заканчивается – начинается время народной (а не *однопартийной* псевдонародной) советской власти, которая и позволит сделать нашу страну не только экономически процветающей, но экологически благополучной, а также физически, психически и духовно здоровой страной, в которой фундаментальные ценности ноосферного (общечеловеческого глобального развития) будут в каждый конкретный момент социального развития гармонизироваться с этно-национальными (а значит и религиозно-конфессиональными) ценностями.

Возникнет ли новый ноосферный облик современной российской власти

Возвращаясь к формам эффективной власти, способной управлять гигантским кораблем российского геохронотопа, скажем, что идея советов оказывается необходимой для современной социальной практики, в ней может быть, и сконцентрирована «обратная связь», без которой, как утверждает кибернетическая теория и синергетическая наука, не может функционировать ни одна живая система. Современная социальная философия подчас оказывается «больше», нежели оптимизированная «политическая философия», а, значит, есть большое поле для размышлений не только о современной «власти бюрократии», но и о современной «власти советов».

Советская власть как форма естественной самоорганизации в исторической традиции проявляет себя противостоящей жесткому механизму государства, которое проявляется в самодержавно-имперских или партийно-тоталитарных формах. Может быть,

именно сейчас и оказываются в России по-настоящему востребованными формы культурного и цивилизованного самоуправления народа, того идеала, который по большому счету видели в российской жизни анархисты-интеллигенты и кооперативисты-интеллектуалы. Элементы кооперативности в развитии коэволюции государства и общества могут быть эффективными лишь в способах взаимодействия, похожих на феномен советования (в том числе и на традиции иваново-вознесенского советования). Когда власть боится такой интеллектуальной народно-властной силы, это означает лишь то, что по своему культурному и нравственному уровню она гораздо ниже, чем управляемый ею народ.

Современная Россия, думается, в своем культурно-историческом развитии доросла до того состояния, когда своеобразная форма «нелигитимной советократии» в начале XX века (которая вырастала в свое время в России на самых различных уровнях: на высшем в форме Государственного Совета, в котором заседали высшие чиновники, на низшем – в форме Совета рабочих депутатов, в котором заседали представители народа) реально может стать легитимной и реальной советской властью. Думается, что только в этом случае идеалы нашей демократии будут идти в унисон с ноосферными процессами, характерными для современного информационного общества.

Опыты «российской кратологии» пока не очень убедительны и аргументированы, но общесоциологический закон сопряжения глобального и локального, материального и духовного, экономического и экологического общественного и личного все сильнее начинает работать в современной истории, и это порука тому, что новое издание советской власти, когда-то рожденной в Иваново-Вознесенске, медленно, но верно будет продвигать нашу страну к формам не только правового и социального, но и народного государства, о чем всегда мечтал русский мужик, считая, что если ему не будут очень мешать, он сам найдет способы совместного с другими решения своих собственных проблем. Может быть, это время пришло?

Библиографический список

1. Антонов Николай Павлович: Философия сознания и ноосферы. Иваново, 2003.
2. В. И. Вернадский и Тамбовский край. М., 2002.

3. *Воронов Ю. М.* Интеллигенция и муниципальный политический процесс: проблемы социальной сплоченности местного сообщества // Земства, советы, муниципалитеты: исторический опыт и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иваново, 27–28 мая 2005 г. Иваново, 2005.

4. *Додонова А.* Дмитрий Геннадьевич Бурьлин. Иваново, 1997.

5. Земства и Советы: исторический опыт и современные проблемы местного самоуправления: материалы республиканской науч.-практ. конф., Иваново, 27–28 октября 1995 г. Иваново, 1995.

6. Земства, советы, муниципалитеты: исторический опыт и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Иваново, 27–28 мая 2005 г. Иваново, 2005.

7. *Иванов Ю. А.* Шуйские раскольники. Шуя, 1997.

8. *Иванов Ю. А.* Уездная Россия. Местные власти, церковь и общество во второй половине XIX – начале XX в. Иваново, 2003.

9. *Кужба О. А.* Крестьянские Советы 20-х годов: разрыв или преемственность? // Земства и Советы: исторический опыт и современные проблемы местного самоуправления: материалы республиканской науч.-практ. конф., Иваново, 27–28 октября 1995. Иваново, 2005.

10. *Курган Г. И.* Русский раскол, его истоки и исследование в общественной мысли России XIX – XX века // Философия и общество: науч.-теорет. журн. 2005. № 4. С. 172–188.

11. *Ледяев В. Г.* Власть: концептуальный анализ. М., 2001.

12. *Моисеев Н. Н.* Современный рационализм. М, 1995.

13. *Никольский Н. М.* История русской церкви. 3-е изд. М., 1985.

14. Первый совет Рабочих депутатов. Время события, люди. Иваново-Вознесенск, 1905. М., 1985.

15. *Пушкарева И. М.* Итоги и задачи советской исторической науки в изучении Советов 1905–1907 гг. в России // Рабочий класс и советы в революции в 1905–1907 гг. в России: межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1976.

16. *Смирнов Г. С.* Мировая интеллигенция и ноосфера: пространство философского дискурса // Интеллигенция и мир. 2001. № 1.

17. *Смирнов Г. С.* Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 1–2.

18. *Смирнов Г. С.* Зеркало вселенского бытия: музейный мир Дмитрия Бурьлина // Наша Родина – Иваново-Вознесенск. 2006. № 1.

19. *Смирнов Г. С.* Парк Майского периода // Наша Родина – Иваново-Вознесенск. 2006. № 2.

20. *Солженицын А. И.* Как нам обустроить Россию. М., 2000.

21. *Степанов А. В.* Первый совет глазами историка XXI века // Земства, советы, муниципалитеты: исторический опыт и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Иваново, 27–28 мая 2005 г. Иваново, 2005.

22. *Таганов Л. Н.* «Ивановский миф» и литература. Иваново, 2006.

23. *Тимофеев М. Ю.* История формирования семиосферы города Иванова (1871–1991) // Вестник ИвГУ. 2005. Вып. 2.

24. *Фурсов А.* Номенклатурные сатурналии // Литературная газета. 2006. № 7–8.

25. *Шахназаров О. Л.* Старообрядчество и большевизм // Вопросы истории. 2002. № 4.

26. *Шемякин О. Л., Шемякина О. Д.* Старообрядчество и процесс формирования в российской цивилизации // Общественные науки и современность. 2006. № 2.

27. *Шипулина А. В.* Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов 1905 г. в исторической литературе // Рабочий класс и советы в революции в 1905–1907 гг. в России : межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1976.

28. *Якобсон Ю. А.* Возникновение и деятельность Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов 1905 г. // Рабочий класс и советы в революции в 1905–1907 гг. в России : межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1976.

29. *Якобсон Ю. А.* Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов 1905 года в буржуазной исторической литературе // Проблемы историографии общественно-политического движения в России в начале XIX – XX в. : межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1986.

30. *Якобсон Ю. А.* В зеркале прессы. Нелегальная и легальная печать в России о всеобщей стачке Иваново-вознесенских рабочих летом 1905 года. Иваново, 1989.